

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15
УДК 141.132(045)

Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании

А.В. Деникин, З.Д. Деникина
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются онтологические и гносеологические основания коммуникативных взглядов с позиций различения типов научной рациональности. Методологическую основу анализа составляет дифференциация трех типов рациональности. Исследование базируется также на компаративистском подходе. При проведении исследования использовался методологический прием градации системного анализа. Авторы приходят к выводу, что современный эпистемологический статус коммуникативного подхода связан с тремя аспектами социального бытия: системностью, рациональностью и коммуникативностью. Переход от сильнонеравновесных состояний к устойчивому социальному развитию предполагает социальную значимость коммуникаций, их подлинность и осуществление рациональности через системные механизмы. Коммуникативный подход выступает в форме интегральной коммуникативной концепции, вида системного анализа. Метатеоретический статус коммуникативного подхода определяется его выраженными системными ресурсами.

Ключевые слова: коммуникативный подход; интегральная коммуникативная концепция; метаабстракция; социальная система; системный подход; коммуникативная рациональность; системная рациональность; интерсубъективность

Для цитирования: Деникин А.В., Деникина З.Д. Роль коммуникативного подхода в современном социально-гуманитарном знании. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(3):6-15. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15

ORIGINAL PAPER

The Role of the Communicative Approach in Modern Social and Humanitarian Knowledge

A.V. Denikin, Z.D. Denikina
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

We consider the ontological and epistemological foundations of communicative views from the standpoint of distinguishing the types of scientific rationality. The methodological basis of the analysis is the differentiation of three types of rationality. The study is also based on a comparative approach. When conducting the research, we used the methodological technique of gradation of system analysis. The modern epistemological status of the communicative approach is associated with three aspects of social existence: consistency, rationality, and communicativeness. The transition from strongly non-equilibrium states to sustainable social development presupposes the social significance of communications, their authenticity, and the implementation of rationality through systemic mechanisms. The communicative approach takes the form of an integral communicative concept, a type of system analysis. the meta-theoretical status of the communicative approach is determined by its expressed system resources.

Keywords: communicative approach; integral communicative concept; meta-abstraction; social system; systemic approach; communicative rationality; systemic rationality; intersubjectivity

For citation: Denikin A.V., Denikina Z.D. The role of the communicative approach in modern social and humanitarian knowledge. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of Financial University*. 2022;12(3):6-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-3-6-15

Вопрос о специфике коммуникативного подхода относится к числу актуальных проблем современной социальной философии. По меньшей мере, пять исследовательских позиций получили широкое распространение. Согласно одной из них коммуникативный подход является внутридисциплинарным способом описания политических, правовых, лингвистических и других феноменов [23, 14, 20–22, 4]. В данной точке зрения акцентируется конструктивная природа социальных процессов.

Во втором случае коммуникативный подход выступает в роли онтологической концепции. Социальная коммуникация становится предметом рассмотрения в персонализме, герменевтике, постпозитивизме, экзистенциализме и других философских направлениях [10]. В третьем варианте коммуникативный подход определяется в качестве гносеолого-онтологического параметра теории рациональности [18].

Согласно четвертой точке зрения коммуникативный подход анализируется в качестве онто-гносеологического параметра теории систем [5]. (Терминологическая классификация третьей и четвертой исследовательских позиций предложена авторами статьи).

В пятом случае коммуникативный подход к социальному бытию расширяется до масштабов признания коммуникации в качестве атрибутивного свойства бытия вообще, способа связи объектов материального и духовного мира [24]. Такое понимание коммуникативности затрудняет ее эпистемологическую экспликацию. Зачастую феномен коммуникативности служит основанием объяснения многочисленных социальных процессов. При размытости базового понятия сокращается аналитический потенциал предлагаемых концепций. Так, например, при отождествлении понятий движения, развития, взаимодействия, коммуникации исследователь может «деформировать» неклассическую предметную сферу, привнося туда классический способ анализа с его устоявшимся категориальным арсеналом.

В некоторых исследованиях предлагается информационная трактовка коммуникативности [19, 12, 13]. В случае полного отождествления понятий информации и коммуникации возможно появление релятивистского эффекта. Как известно, понятие информации — одно из самых проблемных в плане определения его логического объема. В результате одно недостаточно эксплицированное понятие определяется через другое.

При выявлении метатеоретического статуса коммуникативного подхода ключевой момент заключается в признании intersubjectивности социального мира и определении роли коммуникативных процессов в становлении равновесной социальности. В настоящее время складываются предпосылки для уточнения метатеоретических функций коммуникативного подхода, связанные с взаимопроникновением установок философии — науки и социальной философии. Речь идет об анализе метатеоретической роли коммуникаций в границах системного подхода. В этом контексте коммуникативный подход выступает способом системного холизма.

В данном исследовании нас будет интересовать четвертая исследовательская позиция.

Цель исследования — уточнить эпистемологический статус коммуникативного подхода к социальной реальности.

Основные задачи — сравнить содержание концепта «коммуникативный подход» в различных парадигмах социально-философского знания: классической, неклассической и постнеклассической.

Определение роли коммуникативного подхода связано с достижениями философско-научного знания, в частности с различиями трех типов научной рациональности [16]. Такой методологический интервал рассмотрения задает критерий гносеологических и онтологических представлений. Во-первых, предполагается, что коммуникативность не принадлежит к разряду атрибутивных природных свойств, таких как движение и развитие. Во-вторых, коммуникативность понимаемая в аспекте рациональности, может быть утрачена, и для ее восстановления необходимы специальные субъектные и системные усилия. В-третьих, бытие коммуникативности имеет многоуровневую природу: микроуровень, макроуровень и мегауровень. В-четвертых, рациональность может быть не только коммуникативной, равно как и коммуникативность может быть нерациональной. В таком случае коммуникативные процессы служат эмпирическим фоном для выявления социальных тенденций. Соответственно, в онтологическом и гносеологическом планах коммуникации вторичны по отношению к общению, функциональному взаимодействию, социальному действию и т.д.

Различение типов научной рациональности составляет методологическую базу для исследования природы коммуникаций. Каждому типу

рациональности свойственны свой онтологический профиль и представления о реальности. Теоретико-познавательные средства соответствуют данному стилю мышления и не дублируются за его границами. Такой методологический прием не имеет ничего общего с концептуальным произволом или навязыванием эпистемологических схем. Как убедительно показал академик В. Степин, в данной методологической позиции воспроизводится естественная эволюция научного знания.

Выдвинем гипотезу о том, что диспозиция — коммуникация, рациональность и системность — является исходной единицей анализа не только равновесных, но и неустойчивых состояний социального бытия. Коммуникации приобретают социальную значимость, подлинность, а рациональность осуществляется через определенные системные механизмы.

С эпистемологических позиций можно предположить, что понятие коммуникации — дитя неклассического социально-гуманитарного знания. У него нет классического *детерминационного* оттенка, присущего понятию «общественные отношения». Последние использовались в марксистской социальной философии для презентации диалектики основы и обоснованного, причины и следствия. В классическом мышлении понятие общественных отношений обслуживает мир социальных сущностей, не теряющих основные признаки-свойства, а закономерно их воспроизводящих.

Наличие данной абстракции в социальной теории способствует приоритету объяснительных схем реализма. Классическое мышление — это, прежде всего, рассуждение об общем как закономерном. Общественные отношения определенного типа формируют общее и гарантируют его бытие в качестве целого, выражая полноту проявления сущности и универсальные механизмы общественной жизни.

В классическом социальном знании марксистского толка предполагается объективация общественных отношений. Производственные отношения составляют суть социальной материальности, в которых выражается объективная обусловленность социальных феноменов. Субъектная нагрузка понятия отношений практически не определена. Термин «отношения» в категориально-понятийном аппарате социальной философии функционирует вне рамок субъектного и субъективного прочтения общественной жизни.

Для нейтрализации антисубъектной нагрузки общественных отношений в отечественной философии с 90-х гг. XX в. применяется термин «общение». В качестве коррелята межличностного диалога он играет роль субъективации объективных механизмов общественной жизни и является предвестником неклассического анализа [9].

Коммуникации понимаются как вид субъектных взаимодействий, один из механизмов общезначимого *существования* социальной жизни. Неклассические понятийные средства еще удерживают онтологическую взаимосвязь общего и единичного, целого и части, социума и индивида, однако она утрачивает диалектический контекст. В силу признания многомерности бытия часть становится целым, единичное — общим в рамках множественных форм выражения единого. Предметно-вещное объяснение общественной жизни уступает место процессуальной социальности. Основной онтологический тезис заключается в признании объективного различия существующих форм и целесообразности их согласования.

Коммуникативные процессы не тождественны *функциональным взаимосвязям*, приобретающим роль системного средства и системного понятия, отражающего *объективное* бытие социальной структуры, социального макроуровня. Понятие же «коммуникация» в качестве субъектно-субъектного взаимодействия релевантно для описания личностно-психологических и межличностных состояний социального микроуровня и коллективного сознания макроуровня [3, 15]. Подобное понимание характерно, например, для микросоциологической концепции Дж. Мида. Мид анализирует разные формы коммуникации с эволюционной точки зрения, оставаясь в рамках антропологической концепции. Механизм коммуникативного действия у человека остается одним и тем же: «принятие установки другого». Для Мида тема становления внутреннего мира индивида первична, межличностные отношения должны регулироваться легитимно. «Индивид (person) является индивидуальностью (personality) постольку, поскольку перенимает в своем собственном поведении установления этого сообщества» [8]. В этом плане коммуникации аккумулируют в себе внутригрупповое бытие, становление его идентичности и целостности.

Понятие коммуникации, находящееся на «задворках» классической философии, играет ключевую роль в современном социально-гу-

манитарном знании. С целью демонстрации данного обстоятельства проследим некоторые смысловые линии. Ревизия онтологических и гносеологических оснований имеет несколько контекстов, в каждом из которых востребовано понятие коммуникации. Неклассическая трактовка субъективности задает онтологический диапазон коммуникативным действиям. Субъективное нельзя элиминировать из реальности, мир является сознанию субъекта. Складывается реестр интенциональных феноменов, и необходимы дополнительные усилия по фиксации множественности онтологий и описаний, поиску их возможного сближения. Классическая трансцендентальная субъектность замещается коммуникативной общностью, понимаемой как интересубъективность. Онтологическая ситуация отягощается моментом «непроницаемости» одного субъекта для другого. Появляется шлейф нерациональности субъективного, социальные следствия которого нейтрализуются в рамках коммуникативной рациональности.

Неклассическое социальное знание постулирует рациональность общественной жизни различного толка. В понимающей социологии М. Вебера социальное действие считается рациональным при известных условиях, включающих ценности протестантизма, наличие бюрократии и т.д. *Социальное действие* онтологически поглощает коммуникативные процессы, в нем присутствуют личностная мотивация и предполагаемый образ будущего результата. Рациональность определяется Вебером «в смысле логической или телеологической “последовательности” какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции» [2]. Как видим, в этом случае еще нет эпистемологической нужды в активации понятия «коммуникативность».

В структурно-функциональной онтологии Т. Парсонса также предполагается существование рационального системного бытия, способного к адаптациям. Объяснительная схема социального бытия по Парсонсу: рациональность без коммуникации и системность без субъекта. Парсонс придерживается неклассической идеи многомерности сущностных признаков, констатируя факт дифференциации общества, роста его сложности. Системный анализ распространяется на функционально-специализированные подсистемы, поэтому общество рассматривается как система социальных взаимодействий, а не коммуникаций:

- Социетальное сообщество: основная функция — интеграция.
- Воспроизводство образца или фидуциарная подсистема: основная функция — воспроизводство образца.
- Политика: основная функция — целедостижение.
- Экономика: основная функция — адаптация [11].

У Парсонса нет абстракции значимости, ценности, и сама система как структура вовсе не субъектна. Более того, еще не актуальна проблема ее подлинности, поскольку решается задача правильности функционирования, адаптации к среде. Этим объясняется невостребованность коммуникативного подхода, хотя в достаточной степени задействованы принципы холизма и структурно-функциональной рациональности.

Номиналистическая позиция Вебера и структурно-функциональные взгляды Парсонса, казалось бы, «закрывают» поле рассмотрения социальной жизни. Тем не менее в эволюции социального знания все более ощущается потребность в консолидации коммуникативных идей и оформлении статуса коммуникативной рациональности. Становится понятным, что целерациональные действия индивида (М. Вебер) во многом зависят от внешних устойчивых факторов. Парсонс вообще выносит ценностные условия за рамки рассмотрения, полагаясь на функциональный потенциал общества. В том и другом случае социальная рациональность подразумевается как само собой разумеющееся, имеющее долгосрочный характер.

На необходимость непосредственной регуляции социальной рациональности указывает Ю. Хабермас. Схема рассмотрения социального бытия по Хабермасу: рациональность и коммуникативность. Коммуникативный подход служит автономным способом описания «текучей» общественно-политической жизни и необходимости ее дискурсивной «остановки». Теперь коммуникативный понятийный каркас первичен по отношению к другим деятельностным параметрам социального. Коммуникативный подход оказывается именно *подходом*, когерентным представлением об общественной жизни, в которой время от времени нейтрализуются риски неопределенности. Социальность соткана из субъектно-субъектных и субъектно-объектных взаимосвязей, функционирующих в двойственном режиме — в рамках сложившихся условий и в ди-

скурсивных границах перманентно возникающих, интерактивно устанавливаемых правил.

С одной стороны, коммуникативная практика локализуется в повседневности, в многочисленных формах своего выражения. С другой стороны, она является видом дискурса, претендующего на формально-конвенциональную универсальность. В таких дискуссиях субъектный, ценностный плюрализм снимается в итогах интересубъективной рефлексии.

По Хабермасу, коммуникативный подход относится к числу гносеологических средств, пригодных для историко-социального познания. Хабермас создает модель понимания рациональной общественной жизни. Коммуникативный подход становится одновременно видом онтологического описания, наподобие идеального типа у Вебера. Субъектом познания выступает общественность, а социальные действия в ходе практического дискурса образуют возможности «дорационализации», выработки правил социального взаимодействия. В практическом дискурсе сосуществуют и проявляются формальные и ценностные характеристики коммуникации.

Хабермас придерживается гносеолого-онтологической версии коммуникативной рациональности. Он начинает с коммуникативных действий, которые погружаются в когнитивное поле. «Когда мы используем выражение «рациональное», мы полагаем, что существует тесное отношение между рациональностью и знанием. Наше знание имеет структуру суждения; мнения могут быть представлены в форме утверждений» [17, с. 8].

Мозаичная модель реальности у разных авторов существенно изменяется в ходе дискурса, посредством которого «различные участники преодолевают свои чисто субъективные мнения и, благодаря общности рационально мотивированного мнения, получают уверенность как в единстве объективного мира, так и в интересубъективной связанности своего жизненного мира» [17, с. 10].

Так социальная наука продвигается от изучения социального долженствования к ценностно-нормативному бытию. По Хабермасу, коммуникативный подход является способом институционального видения социально-политической жизни. Коммуникации образуют нормативно-смысловую структуру, в которой локализуется рациональность как способ линейного мышления в условиях бесконечного дискурса. В этом смысле

интерсубъективность несет на себе печать трансцендентализма, а социальное бытие выступает в форме «Мы». Правильно выстроенные коммуникации конституируют рационально общее, институционально однородный мир смыслов.

Учение Хабермаса — вершина коммуникативного подхода в неклассической парадигме с ее абсолютизацией диалоговых отношений, множественностью онтологических и ценностных форм, вниманием к конвенциональной детерминации. Хабермас говорит не столько о рациональных коммуникациях, сколько о коммуникативной рациональности. Его волнует проблема подлинного бытия не в смысле истинности, а в смысле значимости для различных субъектов. Определение подлинности (рациональности) требует актов коллективной рефлексии. Этим объясняется интересубъективный способ познания (понимания) социального мира.

Двойственность существования общественной жизни учитывается в способе обеспечения максимальной рационализации разнородного личностного и общественного сознания. Неклассическая социальная онтология предполагает имманентную разнокачественность целостностей, которые даже фактом своего существования демонтируют предзаданную однородность и однотипность общественной жизни. Влечет ли за собой подобный демонтаж нарастание рисков и неопределенности? И да, и нет — проблема заключается в установлении режима согласованного существования социокультурных и социоисторических субъектов, который для неклассической онтологии ценностно предпочтителен и рационален. Субъектное разнообразие само по себе не приводит к стратегической неустойчивости социального бытия, подобные абстракции чужды неклассическому социальному мышлению. Вопросы об истинности бытия компонентов социального множества бессмысленны, сами по себе их наличные признаки гарантируют подлинность реальности.

Проблема заключается в другом: как взаимодействуют данные компоненты внутри одной системы? Может ли их взаимодействие быть неподлинным? Может ли взаимодействие быть подлинным, но *не системным*? Ответы на эти вопросы содержатся в коммуникативной трактовке реальности, предложенной Н. Луманом.

При сопоставлении коммуникативных взглядов Хабермаса и Лумана четко прослеживается линия демаркации неклассического и постне-

классического социального знания. Неклассические основания социальности связаны с идеей взаимодополнительности разных целостностей, т.е. с онтологией *общего*. Соответственно, коммуникативный подход, во-первых, приобретает холистскую окраску, а во-вторых, занимает свое место в семействе средств социального описания. По методологической «силе» коммуникативный подход однотипен с герменевтическим, феноменологическим, структурно-функциональным и др. По сути дела, каждый исследовательский подход концептуально фиксирует динамику и статику социума.

Коммуникативные представления существенным образом трансформируются в постнеклассическом социальном знании. Они применяются при описании сверхсложных состояний, осмыслении ситуаций влияния или невлияния системы и внешней среды. Для построения модели социума Хабермасу было достаточно соединить две линии анализа: рациональность и коммуникативность. Обновление практических дискурсов не предполагает идеи обязательного отграничения системы от внешней среды, поскольку дискурсивные смыслы сами и задают системность как текущую структурность, совпадающую с рациональной средой. В лумановской социальной модели апробируются три онтологических сюжета: системный коммуникативный и рациональный. Н. Луман выдвигает тезис о коммуникативной природе системы на первый план. В социальной системе осуществляется поток событий, операций, присутствует содержательное разнообразие внутри системного единства. Коммуникации транслируют системный смысл синхронно и диахронно в любые компоненты системы, обеспечивая появление новых операций и событий в едином системном поле. Коммуникации выступают способом системной взаимосвязи, в которой проявляется системная детерминация. Каждая подсистема (культура, экономика, политика, право, образование и т.д.) является сущностью (в духе Аристотеля), обладая неизменными признаками. Рациональность предстает как сохранение кода системы. Мир системного бытия должен быть рациональным, псевдокоммуникации не приводят к соответствию системных целей и средств.

Рациональность выражается также в способности системы к внутреннему наблюдению. Рефлексия — это даже не функция, функцию можно заменить — это атрибут системного бытия. Саморефлексия совпадает с системным смысло-

образованием. Таким образом, в широком смысле коммуникации включают действие и познание самореферентов, т.е. коммуникации являются средством системной самоорганизации.

В размышлениях Лумана о природе социальных систем коммуникативный инструментарий выполняет функцию построения новой эссенциалистской онтологии, в которой межсубъектные взаимодействия выносятся за скобки. Социальная система, по Луману, обладает нестационарной, подвижной сущностью, отграничивающей ее от других систем. Коммуникативные процессы внутри системы служат индикатором *подлинности* ее сущностных признаков, в противном случае она бы не состоялась.

Луман допускает существование неравновесных состояний общественной жизни — как системы, так и среды, но, в отличие от синергетики, им не присваивается статус базовой реальности. По аналогии с неклассическими установками: «Я-Чужой» и «Я-Другой» можно утверждать, что Луман фиксирует проблему видимости и кажимости, системного псевдобытия. Согласно синергетике любая становящаяся структура имеет право на существование, по Луману же, система не должна функционировать в режиме «Чужого» или «Другого». Системная рациональность совпадает со способностью системы к самореференции, столь необходимой для онтологии целого. В этом смысле коммуникативный подход встраивается в концепцию *системности*, приобретающей статус междисциплинарной картины мира.

Проблема подлинности решается через процедуру отграничения системы от среды. Ее самоорганизация происходит согласно внутреннему коду, сходно, по сути дела, с системной детерминацией. Система субъектна, она отслеживает свои состояния, редуцируя сложность во взаимосвязи с другими системами и средой. Устранение неопределенностей влечет за собой сохранение целого, системного холизма и воспроизводства системной *значимости*. Любые необратимые события и операции, происходящие в системе, должны находиться в кодовых рамках этой значимости. Благодаря коммуникациям циркулируют внутрисистемные смыслы, которые и делают систему подлинной, а значит, и рациональной.

В каком смысле в учении Лумана коммуникативный подход получает онто-гносеологическую окраску? Системный анализ выходит на новый уровень. Луман обращается к системам, способным поддерживать свою автономию и единство

посредством собственных операций. «Социальная система состоит из имеющих значение коммуникаций — только из коммуникаций и из всех коммуникаций» [6].

Система может рефлексировать возможные изменения во внешнем окружении, но, самое главное, — она создает свой образ реальности. И эта модель встраивается в коммуникации [7]. Иначе говоря, системная рациональность является продуктом самой системы коммуникаций. Возможно, радикальный тезис об автономии социальных систем был связан, в том числе, с попыткой сохранения кодовой подлинности и настроенным отношением к сверхсложным, неопределенным состояниям.

Вклад Лумана в теорию систем и в теорию коммуникаций заключается в определении способа существования целого в условиях чрезвычайной сложности и относительного порядка в «средовом бытии». В этом случае коммуникативный подход органично вплетается в системные представления и выступает важнейшим параметром онтологии системности. Понятие коммуникации включается в категориальный аппарат *системного* подхода в его постнеклассическом понимании. Эпистемологическое решение Лумана выглядит следующим образом. Он избавляется от инфинитной трактовки коммуникативной рациональности, свойственной концепции Хабермаса. Благодаря коммуникациям рациональность должна стать непрерывной, постоянно конституируемой внутри системного бытия. Системная рациональность способна нейтрализовать средовые «шумы». В то же время проблема взаимосвязи системы и среды в условиях сильной неравновесности еще не была предметом специального лумановского анализа. В дальнейшей эволюции социального знания она выносится на повестку дня.

Включение коммуникативного подхода в каркас неклассического и постнеклассического социального знания позволяет определить градации этой метаабстракции. По-видимому, в настоящее время коммуникативный подход не однопорядковый с феноменологическим, герменевтическим и другими подходами, выступающими в роли исследовательских программ. Коммуникативный подход обнаруживается в содержательном «теле» феноменологии, семиотики, логики, герменевтики и т.д. [1]. С другой стороны, коммуникативный подход вряд ли ассоциируется с философско-научными парадигмами, классификация которых в предельном значении была представлена В. Сте-

пиним. Коммуникативный подход выступает метаабстракцией в понятийно-категориальном аппарате только современного социально-гуманитарного знания. В любых вариантах, в концептуальных конструкциях различных школ и направлений он несет на себе нагрузку системного онтологического принципа, как в свое время это делали понятия «практика», «деятельность», «диалог» и т.д. Метатеоретичность данного понятия выражается в его холистическом содержании. Коммуникации образуют подвижную нормативную структуру социальной жизни. С другой стороны, без коммуникации невозможны существенные константы социальной системы.

Метатеоретичность данного понятия выражается также в его смыкании с идеалом рациональности. В современном значении подлинность элементов коммуникативного процесса гарантирует его рациональные последствия. Метатеоретический статус коммуникативного подхода определяется его выраженными системными ресурсами. С помощью коммуникации поддерживаются системные смыслы и значения.

Трансформация коммуникативных взглядов совпадает с эволюцией социального познания. Коммуникативные идеи возникли в лоне социологического номинализма, интерсубъективного холизма, теории аутопойезиса. В каждом случае с помощью коммуникативного подхода решались специфические задачи. Одно оставалось неизменным: кратное повышение роли коммуникативных идей при постановке целей рационального бытия.

В современных социальных условиях стратегической нестабильности коммуникативный подход, как и системный анализ, приобретает новое звучание. Переход к устойчивому развитию может быть эксплицирован с помощью специальных метатеоретических средств: коммуникативного и системного подходов, трактуемых в аспекте достижимого рационального бытия. При экстраполяции взглядов Лумана на мегауровень, природно-социальное бытие человечества обнаруживается ценностный характер системной рациональности. В аспекте должного выявляется аксиологическая природа коммуникаций. Неклассическое мышление зачастую выносило ценности за онтологические «скобки». Действительно, за ценностями закрепились способность «тиражирования» множественности, преодоления унификации разнокачественного мира. Как утверждает неклассическая наука,

функции и правила могут удерживать системность при условии возобновляемости социальных коммуникаций по поводу согласованного существования.

В постнеклассической науке коммуникативный подход постепенно приобретает черты интегральной коммуникативной концепции, вида системного анализа. Существование природно-социального бытия в качестве экосистемы предполагает наличие аксиологического кода. Выражаясь языком Лумана, функциональная значимость коммуникаций определяется их

ценностно-системной значимостью. В противном случае возможны любые апокалипсические сценарии.

Таким образом, коммуникативный подход по-прежнему выступает методологическим средством межсубъектного диалога, взаимодополнительным в отношении теории рациональности. Одновременно в условиях деглобализации коммуникативный подход все больше играет роль системной онтологической концепции, презентующей устойчивые тенденции рациональной организации социальной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(6):6–9. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9>
2. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс; 1990.
3. Jiyeon So, Kai Kuang. Information Seeking Upon Exposure to Risk Messages: Predictors, Outcomes, and Mediating Roles of Health Information Seeking. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0093650216679536>
4. Икрамова Л. Б. Сущность коммуникативного метода обучения иностранным языкам. URL: <http://mino.esrae.ru/173-1440>
5. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. М.: Логос; 2004.
6. Luhman N. The Unity of the Legal System. *Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society* (ed. by G. Teubner). Berlin: Walter de Gruyter; 1990.
7. Luhman N. *Closure and Openness: On Reality in the World of Law*. Florence: European University Institute; 1986.
8. Мид Дж. Аз и я. М.: Издание Международного университета бизнеса и управления; 1996.
9. Митрова Н. О., Мигаенко К. С. Общение как социально-психологическая и коммуникационная категория. Майкоп: МГТУ; 2006.
10. Назарчук А. В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-традиция; 2009.
11. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс; 1998.
12. Reines S. A., Brunner S. R. The results of broadcasting self-disclosure using new communication technologies: Responses to information disclosure differ in different social networks. *Communication Studies*. 2018;(45):659–687. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650215598836>
13. Raines S. A., Wright K. B. Social support and computer communication: a modern overview and an agenda for future research. *Annals of the International Communication Association*. 2016;(40):175–211. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2015.11735260>
14. Садуов Р. Т. Феномен политического дискурса Барака Х. Обама: лингвокультурологический и семиотический анализ. Монография. Уфа: РИЦ БашГУ; 2012.
15. Siyue Li, Guanjin Zhang. Intergroup Communication in Online Forums: The Effect of Group Identification on Online Support Provision. *Communication Research*. 2018;48(6):874–894. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650218807041>
16. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция; 2003.
17. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press; 1984.
18. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press; 1987.
19. Heylighen, F. Bollen J. & J. Bollen. The world-wide web as a super-brain: from metaphor to model. URL: <http://pespmc1.vub.ac.be/Papers/WWW-Super-Brain.pdf>
20. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс»; 2012.
21. Чикеева З. Ч. О понимании коммуникативной теории права. *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2015;(4):45–53.

22. Чувакин А. А. Коммуникация как объект исследования современной филологии. Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации. Материалы Второй международной научно-практической конференции «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации». Часть 1, 2. Барнаул: Издательство Алтайского университета; 2009.
23. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2003.
24. Чусовитин А. Г. Концепция взаимодействия (историко-методологический анализ). Новосибирск: Изд-во НГПУ; 1993.

REFERENCES

1. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S. A., Tyurikov A. G. Intercultural communication: challenges of global transformation of life worlds. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6):6–9. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-6-9>. (In Russ.).
2. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.).
3. Jiyeon So, Kai Kuang. Information Seeking Upon Exposure to Risk Messages: Predictors, Outcomes, and Mediating Roles of Health Information Seeking. *Communication Research*. November. 24, 2016. Research Article. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650216679536>
4. Ikramova L. B., Ikramova A. A., Ruzieva D. S. The essence of the communicative method of teaching foreign languages. *Interdisciplinary research in science and education*. 2014;3. URL: <http://mino.esrae.ru/173-1440> (accessed on 19.12.2021). (In Russ.).
5. Luhman N. Society as a social system. Trans. from German. Moscow: Logos; 2004. (In Russ.).
6. Luhman N. The Unity of the Legal System. In: *Autopoietic Law: A New Approach to Law and Society*, ed. by G. Teubner. Berlin: Walter de Gruyter; 1990. 337 p.
7. Luhman N. Closure and Oppenness: On Reality in the World of Law. Florence: European University Institute; 1986.
8. Mid J. Az and I. In: *American Sociological Thought: Texts*. Edited by V. I. Dobrenkov. Moscow: Edition of the International University of Business and Management; 1996. P. 233. (In Russ.).
9. Mitrova N. O., Migaenko K. S. Communication as a socio-psychological and communication category. Maykop: MSTU; 2006. (In Russ.).
10. Nazarchuk A. V. Theory of communication in modern philosophy. Moscow: Progress-tradition; 2009. (In Russ.).
11. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspect-Press; 1998. (In Russ.).
12. Reines S. A., Brunner S. R. The results of broadcasting self-disclosure using new communication technologies: Responses to information disclosure differ in different social networks. *Communication Studies*. 2018;45:659–687. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650215598836>
13. Raines S. A., Wright K. B. Social support and computer communication: a modern overview and an agenda for future research. *Annals of the International Communication Association*. 2016;40:175–211. URL: <https://doi.org/10.1080/23808985.2015.11735260>
14. Saduov R. T. The phenomenon of political discourse of Barak H. Obamas: linguoculturological and semiotic analysis. Monograph. Ufa: RIC Bashgu; 2012. (In Russ.).
15. Siyue Li, Guanjin Zhang. Intergroup Communication in Online Forums: The Effect of Group Identification on Online Support Provision. *Communication Research*. 2018;48(6):874–894. URL: <https://doi.org/10.1177/0093650218807041>
16. Stepin V. S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition; 2003. (In Russ.).
17. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Cambridge: Polity Press; 1984.
18. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2. McCarthy T., ed. Boston: Beacon Press; 1987.
19. Heylighen F., Bollen J. The world-wide web as a super-brain: From metaphor to model. In: *Cybernetics and Systems '96*. R. Trappl, ed. Austrian Society for Cybernetic Press; 1996:917–922.
20. Chestnov I. L. Postclassical Theory of Law. Monograph. St. Petersburg: Publishing House Alef-Press; 2012. (In Russ.).

21. Chikeeva Z. Ch. On understanding the communicative theory of law. *Right. Journal of the Higher School of Economics*. 2015;(4):45–53. (In Russ.).
22. Chuvakin A. A. Communication as an object of research in modern philology. University philology – education: the regulatory nature of communication. Materials of the Second International Scientific and Practical Conference “Communication Studies in the modern world: the regulatory nature of communication”. Part 1,2. Barnaul: Altai University Publishing House; 2009. URL: <https://refdb.ru/look/2753322-p16.html> (accessed on 12.18.2021). (In Russ.).
23. Chudinov A. P. Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University; 2003. (In Russ.).
24. Chusovitin A. G. The concept of interaction (historical and methodological analysis). Novosibirsk: Publishing House of NGPU; 1993. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly V. Denikin — Dr Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>

AVDenikin@fa.ru

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Zoya D. Denikina — Dr Sci. (Philosophy), Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

ZDDenikina@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.02.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.02.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.